

Политика российского правительства в отношении мусульманского духовенства Кубанской области (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений российских властей и мусульманского духовенства на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период. Дается структура духовенства, описываются обязанности священнослужителей, процедура их назначения на занимаемую должность. Освещается опыт по урегулированию межнациональных и межэтнических отношений в регионе.

Ключевые слова:

Исторический опыт, мусульманское духовенство, взаимоотношения исламского мира с чиновничьей иерархией Российской империи, адыги, особенности распространения ислама среди адыгских племен Северо-Западного Кавказа, духовное сословие, практика утверждения на должности мусульманского духовенства.

В последнее десятилетие XX века Россия столкнулась в мусульманских регионах с проблемой исламского фундаментализма. Эти геополитические реалии диктуют необходимость внимательным образом отнестись к исламскому фактору, учитывать его при разработке и реализации внутренней и внешней политики.

На южных рубежах Россия окружена «исламским поясом», государствами, входящими в исламскую дугу нестабильности¹. В самой России (в Поволжье, Приамурье, Сибири, особенно на Северном Кавказе) не прекращают действовать национал-радикальные, криминальные группировки, которые зачастую прикрываются исламом, создают серьезную социально-политическую напряженность.

Исторический опыт, накопленный самодержавием во второй половине XIX – начале XX вв. по урегулированию межнациональных и межэтнических отношений в Кубанской области, может быть экстраполирован на современность.

На наш взгляд, частично помочь в разрешении сложившейся ситуации мог бы опыт преодоления противоречий между правящей элитой и мусульманским духовенством в Кубанской области в вышеозначенный период.

Взаимоотношения исламского мира с административным аппаратом Российской империи исследовал в работе «Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи» Д. Ю. Арапов.² Автор приводит взгляды выдающегося экономиста и финансиста К. Х. Бунге, министра финансов С. Ю. Витте и министра внутренних дел П. А. Столыпина на проблему исламского фактора в связи с ростом панисламистских концепций в конце XIX – начале XX вв.

Проблемы политики российского правительства в отношении мусульманского духовенства в Северо-Кавказском регионе раскрываются в работе А. В. Матвеева³. Автор показывает особенности взаимоотношений между региональной администрацией и мусульманским духовенством.

Теме распространения ислама на юге России посвящена работа «Власть и ислам (генезис и проявление традиций)» Н. А. Нефляжевой⁴. В этой работе прослеживается процесс взаимоотношений мусульманского духовенства с органами власти региона.

В данной статье нами была предпринята попытка показать особенности политики Российского правительства в отношении мусульманского духовенства Кубанской области, а также раскрыть формы и методы их подготовки и расстановки.

Центром распространения ислама среди адыгских племен Северо-Западного Кавказа была Анапа. Продвижению новой религии помогала оживленная торговля жителей турецкой крепости у р. Кубани, которые своим влиянием и примером способствовали принятию ислама местным населением. На равнинах и в предгорьях ислам в значительной мере вытеснил доисламские верования. В горах же они еще продолжали оставаться в ряде случаев официальной религией, вплоть до первой половины XIX века. Постепенно власть мусульманского духовенства усиливалась.⁵

По причине религиозной неграмотности местного населения муллами и кадиями были преимущественно турецкие подданные. Они, в свою очередь, способствовали укреплению власти феодально-родовой знати, ориентированной на Константинополь.⁶

В духовное сословие могли вступать лица всех слоев без исключений (зависимые – с разрешения своего хозяина). Лица дворянского происхождения редко принимали духовное звание.

Адыгское духовенство имело строгую иерархию: эфенди, старший мулла, мулла, муэдзин, сафота, иджако.⁷

В духовное сословие могли вступать лица всех слоев без исключений (зависимые – с разрешения своего хозяина). Лица дворянского происхождения редко принимали духовное звание.

Обязательным условием для муллы являлось знание арабского языка и Корана. Коран и основы ислама изуча-

ли в духовных школах – медресе. После прохождения курса обучения ученики подвергались испытаниям. Звание эфенди присваивалось верховным муфтием, находившимся в Константинополе. Его получал тот, кто хорошо знал Коран, соблюдал все правила ислама и «получил достаточное образование в турецких училищах». По этой причине мусульманское духовенство было наиболее близко к протурецки ориентированной феодальной знати адыгов. Лица, достигшие звания муллы, приравнивались в правах к дворянам⁸.

Эфенди и мулла, не смотря на их происхождение, имели право «вместе с князьями сидеть и кушать»⁹, тогда как дворяне могли сесть за стол с князем только с его разрешения.

Все лица «духовного звания» имели право на владение крепостными людьми, которых они могли передавать по наследству, продавать и распоряжаться их имуществом.¹⁰

Дети мусульманского духовенства (мужского пола) могли вступить в духовное сословие, принять сан соответственно степени своего знания. Те же, кто не пополнял ряды духовенства, пользовались правами звания, из которого происходил их отец, но оставались свободными, несмотря на то, что отец мог быть крепостным.

Лица духовного звания могли менять местожительство согласно своему желанию и по приглашению князей, дворян или «свободного народа». Жители аула в свою очередь должны были содержать приглашенного и его семью.

Плата за выполнение «духовных треб» являлась основной статьёй доходов духовенства. Священнослужители также получали содержание с каждого дома в виде определенного количества дров, сена, хлеба и др. продуктов.

Отдельной статьёй дохода мусульманского духовенства являлся суд по шариату: за воровство плата взималась соразмерно тому, что было украдено. Так, от украденной лошади – пять рублей, коровы или быка – один рубль, от пяти овец – рубль серебром. За чьё-либо убийство, вне зависимости от сословия, мулла и эфенди получали двести рублей серебром или десятую скотину; за прелюбодеяние с замужней женщиной мужчина платил 15 голов скота, если муж не настаивал на убийстве неверной¹¹.

Наряду с этим духовенство вело учет естественного прироста и убыли населения, а так же регистрировало браки и выдавало удостоверения об их законности при «разборе возникающих семейных распрей и разных не удовольствий» и «при разделе имений между наследниками»¹². Помимо своих религиозных обязанностей, духовные лица исполняли обязанности нотариуса.

У кавказских горцев существовал обычай делать духовное завещание при малолетних наследниках или при их отсутствии, которое до появления ислама делалось словесно, но при наличии двух свидетелей. С появлением ислама духовное завещание составлялось и записывалось муллой, но так же при двух свидетелях. Письменные акты составлялись и при заключении браков. Обычно в них подробно фиксировалось то, что жена получит после смерти мужа¹³.

Утверждению влияния духовенства во многом способствовало «расширение информационных каналов: ис-

ламские празднества, мечети, школы – медресе, хадж в Мекку»¹⁴.

По своему составу мусульманское духовенство было неоднородным. Его высшая прослойка состояла из крупных собственников, а также из мулл и кадиев крестьянского происхождения,¹⁵ в среде которых встречались зажиточные и беднейшие слои. В аульных обществах на мулл и кадиев зачастую возлагались административные обязанности. При отсутствии аульных правлений они вели служебную переписку. В их обязанности входило обучение детей «мальчиков и девочек, родители которых этого пожелают и даже тех, кто со временем должен стать судьями».¹⁶

Ввиду своего положения мусульманское духовенство не только занималось организацией молений, но и вело практически всеми сферами культурной и правовой жизни.

Власти российской империи уделяли большое внимание влиянию мусульманского духовенства на горское население. В связи с этим, в 1881 г. «в одном из донесений в правительственные инстанции сообщалось, что вопрос о мусульманском духовенстве, в руках которого находится не только умственное, но и нравственное развитие народа... имеет серьезное значение».¹⁷

Указывая на высокий авторитет мусульманского духовенства, необходимо отметить, что в некоторых сельских мечетях служба велась людьми, слабо знающими основы ислама, плохо владеющими арабским языком. При необходимости такие муллы не могли дать даже приблизительного перевода и толкования сур^{*} Корана[†]. Это свидетельствовало о разном уровне подготовки мусульманского духовенства, которое не всегда соответствовало требованиям: «своим пасторским долгом влиять на среду в той степени нравственности, как установлено религией и законностью».¹⁸

На формирование мусульманского духовенства Северо-Западного Кавказа влияли эмиссары Турции и других арабских государств. Это было связано с рядом исторических причин:

- первыми ислам приняла феодальная знать адыгов, имевшая тесные контакты с Турцией;

- активная внешняя торговля с ближайшим соседом так же влияла на проникновение турецкого и арабского духовенства;

- стремлением турецких властей посредством влияния на мусульманское духовенство проводить антиросийские идеи среди населения Северо-Западного Кавказа.

Вышеперечисленные причины повлекли за собой изменение отношения российских властей к мусульманскому духовенству.

Был разработан специальный комплекс управленческих решений и инициатив, который включал в себя не только назначение на духовные должности, но и вводил полицейский контроль за прибывавшими из-за границы как светскими, так и религиозными деятелями.¹⁹ Наряду с этим местными органами власти вводилось ограничение на места проведения богослужений.

* Сура – название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана.

† Коран – главная священная книга мусульман.

Для признания легитимности назначения духовенства, власть на местах проводила массовые мероприятия. Так, согласно местным традициям и религиозной ориентации населения, выборы старались провести пышно: они проходили при большом стечении народа и во время мусульманских праздников.

Однако, решения о назначении выносились комиссиями. Их состав зависел от должности, на которую происходили «испытания». Например, при выборе муллы в ее состав входили: губернский или областной кадий, местные муллы и назначенный губернский или областной начальник, знавший восточные языки. К кандидатам на должность муллы предъявлялись следующие требования: знание обязанностей муэдзина, освоение обрядовой практики, знание татарского и персидского языков, чистописания, счетоводства; преподавания грамоты и чтение Корана правильным произношением; знание общих обрядов бракосочетания и развода; умение вести письмоводство по делам, относящимся к ведению мечетского прихода.²⁰

На Северо-Западном Кавказе в конце XIX века действовал специальный циркуляр начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска. В соответствии с этим документом на «испытание» требовалось предварительное разрешение атаманов отделов.²¹

Для получения степени эфенди образовательный ценз был еще более высок, чем при соискательстве должности муллы. Помимо требований, предъявляемых для получения степени муллы, от претендентов на должность эфенди дополнительно требовалось знание Корана с умением комментировать суры, знание мусульманских законов и книг о Пророке и халифах*, знание в совершенстве арабского, персидского и тюркского языков; умение читать и писать по-русски; знание шариатского судопроизводства; знание арифметики.²²

Утверждение на должность эфенди проводились духовными правлениями в присутствии муфтия и назначенного губернского чиновника, знающего восточные языки.

Однако, организация выборов мусульманского духовенства столкнулась с определенными трудностями. В вышеуказанном донесении Начальнику Кубанской области от 1881 г., «указывалось, что отсутствие духовного управления на Северном Кавказе влечет признание над собой главенства шаха, находящегося при гробе Магомеда...»²³. Такая зависимость от арабского духовенства в любой момент могла привести к осложнению ситуации. Введение должности муфтия Северного Кавказа было призвано уменьшить это негативное влияние со стороны «тайных проповедников», которое проявлялось не только в Кубанской области, но и в Ставропольской губернии, и даже в Абхазии и Сванетии.²⁴

Должность муфтия и его обязанности, высокое положение в духовной иерархии в идеале должно было положить конец зависимости духовенства Кубанской области от Мекки и Стамбула. На эту должность предполагалось выдвигать личность, обладавшую духовным авторитетом и наделенную соответствующими управленческими полномочиями.

С этой целью, как на территории России, так и на Северо-Западном Кавказе предусматривалось создание собственных школ для подготовки мулл, с привлечением квалифицированных учителей арабского языка и знатоков Корана.

За деятельностью мулл осуществлялся контроль со стороны местной администрации и аульных обществ. Он выражался в выдаче удостоверений о «благонадежности».

Местная администрация через мусульманское духовенство стремилась реализовать влияние России на мусульманское население Кубанской области. Властью определялись места проведения богослужений. Запрещалось проводить богослужения в мечетях, не имевших определенного законом количества прихожан и построенных частными лицами, которые не прошли испытания в Горском суде (за исключением малонаселенных аулов, где существовала одна мечеть). Аульные старшины должны были присутствовать на общих собраниях граждан в главной мечети селения, контролируя ход службы.²⁵

Царское правительство приняло очень удачное решение о введении процедуры принесения присяги духовенством при вступлении в должность. Клятва произносилась на Коране в полном соответствии с предписаниями ислама. Кандидат клялся «всемогущим Богом и его Пророком Мухаммедом быть ревностным к службе его императорского величества...». Это был тонкой психологический ход: для истинного мусульманина нарушение такой клятвы являлось страшным грехом. Со временем, царское правительство в лице мусульманского духовенства получило самых ярых сторонников²⁶.

В начале XX века представители высшего мусульманского пророссийски настроенного духовенства вводились в состав управленческого корпуса Северного Кавказа. Все эти меры способствовали стабилизации ситуации в регионе.

Деятельность администрации Кубанской области свидетельствует о том, что, поддерживая мусульманское духовенство, власть успешно решала две задачи: с одной стороны, уменьшала влияние и зависимость от арабского духовенства, а с другой – через местное мусульманское духовенство успешно проводила российскую политику на Северо-Западном Кавказе.

Политика царской власти в центре и на местах, направленная на воздействие на мусульманские народы Кавказа через подконтрольное им духовенство, полностью себя оправдала.

Примечания:

1. Малашенко А. Кавказ: исламский фактор // Свободная мысль. – №9, 11. – 2001.
2. Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории – 2005. – №4. – С. 132-137.
3. Матвеев В. А. Российское мусульманство на Северном Кавказе. – Армавир-Ростов-на-Дону, 2004.
4. Нефляжева Н. А. Власть и ислам (генезис и проявление традиций) // В опросы теории и методологии истории: Сб. науч. трудов – Майкоп, 1997. – Вып. 2.
5. Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар, 1927. – С. 25.

* Халиф – глава мусульманской общины.

6. Очерки истории Адыгеи. Т. I. Адыгейское изд-во, 1957. – С. 282.
7. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I, II. – Одесса, 1882. – С.127.
8. Очерки истории Адыгеи. Т. I. – Адыгейское изд-во. 1957. – С. 282.
9. Леонтович Ф. И. Указ. соч. – С. 128.
10. См. подробнее Леонтович Ф. И. Указ. соч. – С. 130.
11. Леонтович Ф. И. Указ. соч. – С. 132.
12. Леонтович Ф. И. Указ. соч. – С. 149-151.
13. Нефляжева Н. А. Власть и ислам (генезис и проявление традиций) // Вопросы истории и методологии истории: Сб. науч. тр. – Майкоп, 1997. – Вып. 2.
14. Леонтович Ф. И. Указ. соч. – С. 137.
15. Белл Джордж. Дневник пребывания в Черкессии / Зарубежные авторы XIII-XIX вв. о народах Северо-Западного Кавказ. – Майкоп, 2000.
16. Нефляжева Н. А. Власть и ислам (генезис и проявление традиций) // Вопросы истории и методологии истории: Сб. науч. тр. – Майкоп, 1997. – Вып. 2.
17. Матвеев В. А. Мусульманская составляющая в контексте политики России на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. – Армавир-Ростов-на-Дону, 2003.
18. Матвеев В. А. Указ. соч. – С. 25.
19. ГАРФ. ф 109, оп. 22, д. 228, лл. 4, 4 об, 11, 16 об, 17.
20. Нефляжева Н. А. Указ. соч. – С. 83.
21. Нефляжева Н. А. Указ. соч. – С. 85.
22. Нефляжева Н. А. Указ. соч. – С. 87.
23. Цит. по Матвеев В. А. Указ. соч. – С. 28.
24. ГАРФ. ф 109, оп. 22, д. 228, л. 11.
25. Нефляжева Н. А. Указ. соч. с 87.
26. Матвеев В. А. Указ. соч. – С. 32.